

KI 1266080

Сергей Максим

**РАЗОРВАНЫЙ
СВЕТ**

**КНИГА
СТИХОВ**

Юрий Максин

РАЗОРВАННЫЙ СВЕТ

ЮРИЙ МАКСИН

**РАЗОРВАННЫЙ
СВЕТ**

СТИХИ

Устюжна . 1997

Книга оформлена
автором

Устюжна, 1997

ДЕРЖАТЬ ПЕРЕД БОГОМ ОТВЕТ...

Да нужна ли нынче поэзия? Странный этот вопрос витает чаще, чем есть в нем необходимость. А, правда, нужна ли? Выжить бы, выжить! В какой уж раз несется это над Русью. И все как будто согласны...

Но — выживать — для чего? Если душа пуста, добродетель растоптана, а в сердце с таким трудом уживается слово Божье, то кто-то должен оглядываться вокруг, чтобы душа прозрела среди будней. И кто — как не поэт? Нет, поэзия и ныне (а может быть, именно сейчас) — нужнее всего для русского сердца.

«Разорванный свет» — вторая книга стихов русского поэта Юрия Максина. Живет он в маленькой, но славной Устюжне, притулившейся как-то с краю Вологодчины. В таком житье есть, видимо, какие-то минусы. Но плюсов больше. И главный, конечно, в том, что, избегая соблазнов на поэтическую моду, на пресловутый московский «авангард», можно, более зримо перелить в поэтические строки мгновения настоящего, чётче улавливать любые токи духовного прозрения.

И вот перед нами своеобразный поэтический дневник. Каждая запись в нем — чаще

всего цикл стихотворений — отражает развитие лирического героя в разные минуты жизни.

И звезда не случайно упала.
Поздно понял я жизни закон.
Самых лучших душа выбирала,
заполняя судьбы небосклон.

...К самым лучшим
душа устремилась,
ободрав оперенье в кольце.
Я восстал
из духовной могилы,
но остались следы на лице...

Возрождение души — это и есть один из главных мотивов «Разорванного света». Душа не может томиться на перепутье лихолетья. «Разорванность» бытия болезненна и плохо преодолима, если мириться с ней. Юрий Максим дает несколько векторов духовного прозрения, обращаясь то к воспоминаниям о вскормившей его, но покинутой деревне; то к людям родным и близким; то, черпая силы в любви к женщине и Родине. В каждом таком движении он находит конечные пункты, укрепляя себя и нас своими открытиями.

И весомость таких открытий тем более значительна, что они находят естественную форму воплощения — стихи! Вот куда мы пришли! Да опять к тому же: нужна ли поэзия? Но пусть вас этот вопрос больше не тревожит. Ответ найдется сам собой. Так что — в путь! А Юрий Максим будет вашим провожаемым. И дай-то Бог, чтобы его поэтические открытия помогли и вам по-новому взглянуть на себя и весь этот мир...

Андрей СМОЛИН.

ДУША ВСТРЕПЕНЕТСЯ

★ ★ ★

За светлые слезы,
за русские слезы
держат перед Богом ответ...
Шумите, березы,
ласкайте, березы,
славянский разорванный свет.

Под небом единым
справляем години.
Опять навернулась слеза...
От русской картины —
до срока седины
и горем затмило глаза...

Гляжу с поднебесья
на грады и веси
и словом заветным клянусь
от адовой смеси
безлюбья и спеси
спасать изможденную Русь.

Не выцвели розы,
не вылились грозы,
не вырос березовый крест.
За светлые слезы,
за русские слезы
расплата приходит
с небес!

Станиславу Золотцеву

Молчали об этом всеведы,
не чуяла сердцем страна:
грядет за Великой Победой
эпоха
Великого Сна.

Нет пастыря,
нету святого,
всеведы твердят не о том.
Осталось лишь Русское Слово
еще не охвачено
Сном.

Оно невесомее пуха,
трепещет в устах мудреца,
незримой энергией духа
светясь,
зажигает сердца.

Бесценная книга, молитва,
ночной разговор о былом —
зовут на духовную битву
со всеусыпляющим
злом.

Живое, творящее Слово
едино на все времена.
Мир гибнет от слова пустого.
Россия!
Очнись ото Сна...

Надсадно и странно
 тоскливые трубы пропели
 и юность и жизнь
 повернули на вечный покой.
 Как жаль, что не вспомнить
 себя в золотой колыбели,
 когда рядом мама
 поет о печали земной...

Но я возвращаюсь
 к родимым местам-оберегам,
 в заветное царство
 знакомых людей и зверей,
 где крупные блески
 никем не измятого снега
 хранят чистоту
 и спокойствие зимних полей.

Здесь русские звезды
 вовек не осыплются с неба,
 горящим дождем возвещая
 вселенский закат.

Здесь в памяти вешней
 колосьями спелого хлеба
 осенние нивы, прощаясь,
 протяжно звенят.

Не надо печали.
Давайте под небом старинным
бессмертную душу
лелеять до лучших времен.
Душа встрепенется,
припомнив былые картины,
надежную веру
и гордость славянских племен.

Ох, глубинка России,
орды гнусных людей
по тебе походили,
сытаясь славой твоей.

За иконою — крестик
уносили с груди,
оставляли безлесье,
хоть трава не расти.

«Все безверье, безверье», —
повторяла, крестясь
на раскрытые двери,
с пришлецом не судясь.

«Все безлюбье, безлюбье», —
повторяешь теперь.
Что же дальше-то будет,
коль распахнута дверь?

Станешь сильной, как прежде?
Это трудно суметь,
но грешно
в безнадежны
на Руси умереть.

Храни тебя Господь,
деревня Плосково,
всех, кто живет,
всех, кто здесь будет жить.
Ты в море жизни
остаешься островом,
куда все время
хочется приплыть.

Жалею,
что ни школы и ни молодежи
здесь больше нет.
И даже школьный сад
роняет осенью не яблоки,
а жёлуди,
их, как известно,
дети не едят.

Нас увели дороженьки,
похитили,
в других местах
ты пустишь корешки.
Храни Господь
твоих исконных жителей,
пускай живут подольше
земляки.

★ ★ ★

Вернулись.

Вы все же вернулись
к родимым домам и крестам.
Немножко не так
улыбнулись
в деревне,
сочувствуя вам.

О, эта улыбка приснится —
совместный упрек
и смешок,
мол, легче пустым
возвратиться,
хотя и залатан мешок.
Видать,
нагулялись до дури,
чтоб вышла
остатняя дурь,
в родную деревню придули
подальше
от денежных бурь...

Вернулись.
Вы все же вернулись
к родимым домам и крестам.
С надеждой еще
улыбнулись
в деревне,
сочувствуя вам.

Пароход о берег носом ткнулся.
Я здесь — не случайный пассажир.
Я к себе на родину
вернулся,
где легко и безмятежно жил.

Мне здесь даже холод
душу греет.
Осенью на родине тепло.
Осенью вода в реке густее,
сколько ее в жизни утекло...

Не хочу разматывать печали,
что за жизнь
на сердце накрутил.
Я к себе на родину
причалил,
пароход надолго отпустил.

— Как живете, господа?

— На краю деревни...

Где густая лебеда

и нет деревьев

древних.

В лебеде нашлась изба —

чья-то развалюшка,

в ней от Божьего раба —

Библия да клюшка.

Есть на сон что почитать,

душу разбередить,

видно, время коротать

одному здесь светит.

Знать, и клюшка в самый раз,

как-никак, подмога —

и в пути,

и между глаз

ворогу с порога.

— Не живется, господа? —

скалится прохожий.

Трын-трава да лебеда

ночью

сердце гложут.

Поутру помолился и вышел
 на дорогу
 дневной суеты,
 поглядел
 на небесную крышу,
 на остатки
 земной красоты.
 Суета
 заразила бессильем,
 не дает отдохнуть голове.
 А душе всего надо-то —
 крылья
 раствориться
 в небес синеве.
 Ах, когда
 эти крылья сложили,
 где
 развеяли пух золотой?..
 Божьей милостью
 не дорожили,
 потеряли
 покой дорогой...

И звезда не случайно упала.
Поздно понял я жизни закон.
Самых лучших душа выбирала,
заполняя судьбы небосклон.

Только лучшие — ярко сгорали,
а мерцали на небе моем
те, что душу
за грош продавали,
черным крася ее оком.

И сомкнулось кольцо окоема.
Белый свет показался не бел.
И в какую-то бездну влекомый
я в нее
бездыханный влетел.

И не пальцы к лицу прикоснулись,
а какие-то когти впились,
только очи мои не очнулись,
чтоб увидеть минувшую жизнь...

К самым лучшим
душа устремилась,
ободрав оперенье в кольцо.
Я восстал
из духовной могилы,
но остались следы на лице...

Не хранит себя Русь, а хоронит...
И чем дальше, тем горестней жить.
Без поводьев неслись наши кони,
мы о том разучились тужить.

Спohватились,
да, кажется, поздно —
подлетели к смертельной черте.
Вал за нею обрушится грозный,
не успеем и песню
допеть...

П Е С Н Я

И на этом берегу — лес,
и на том берегу — тож.
Я плыву по реке вниз
с улетевающим листом схож.

Где-то есть у меня дом,
рядом с домом — золотой сад.
Из трубы идет родной дым,
а в избе живет родной брат.

А у брата есть стальной конь,
а у брата сердце — истинный клад,
у него не заскучает гармонь,
и обидно, что мой брат не женат...

Где же мне такую
нынче сыскать
да сосватать ему радость-жену,
что сумеет семерых нарожать,
верно ждать, коль брат уйдет
на войну?

И на этом берегу — лес,
и на том берегу — тож.
И плыву я по реке вниз
с улетевающим листом схож.

НЕБЕСНЫЕ КРОСНА

* * *

Они предвещали несчастье
и вот разразилась грозой.
А мы говорили о счастье,
хмелил нас
беседы настой.

И мы размышляли о Боге,
как будто его уже нет.
А он постоял на пороге,
оставил ромашек букет.

И мы удивлялись, глаза
на белые с желтым цветы,
ведь осень,
от страсти пьянея,
уже оголила кусты.

Уже корабельные сосны
почуяли близость снегов.
Готовы небесные кросна
и прижа густых облаков.

И скоро заткут, заметелят,
и саван на землю падет...
Лишь древние сосны да ели
удержат земной небосвод.

На узорах морозной парчи
тает свет заходящего солнца.
Неприкаянно сердце стучит.
Нежно ель протирает оконце.

Наливай свое зелье в стакан.
Я не вижу: он пуст или полон.
Темнотой истекаю от ран,
порожденных
душевым расколом.

Ветер соло ведет на трубе.
Долгий вой
не прибавит покоя.
И крыльцо,
и тропинку к избе
заметают от этого воя.

Взялся душу лечить, так лечи.
Пусть качается мрак и густеет.
Не зажгу ни единой свечи,
буду ждать,
пока ель заалеет.

Буду песнь заунывную петь,
трепетать потихоньку крылами.
Должен ангел ко мне прилететь
и не зельем лечить, а стихами.

Вячеславу Белкову

Замело все пути, все дороженьки,
повалило родимую ель.
Путник мой, береги свои ноженьки,
по России гуляет метель.

По России давно уже рыскают
злые стаи людей и зверей.
Помоги тебе Господи выстоять,
добрести до заветных дверей.

Чтоб встречали теплом, а не холодом
и никто не смотрел на часы,
чтобы честь, береженную смолоду,
не унизили взглядом косым...

По весне
плакать бедному скворушке,
заметает родимую ель.
Ангел мой,
береги свои перышки —
и тебе добираться
в метель.

Не колокольчика тоска
на много верст окрест.
Под ветром ветки ивняка
играют благовест.

А где-то там,
на высоте,
другой — глубокий звук
о том, что в горней красоте
не обойтись без мук.

Что высший путь — то крестный путь
и, взявшись крест нести,
нельзя обратно повернуть
и поменять пути.

Пустой замерзший гулкий лес
похож на Божий храм.
Уносит ветровой оркестр
осанну к небесам.

М а м е

Не ты ль ходила со свечой
и зажигала,
зажигала?

И капал на пол
воск свечной,
и вьюга за окном
стонала.

Валились сосны
в темноте
в объятья бешеной метели,
Спаситель ожил на кресте,
в окно

чуть черти не влетели.

А на столе
и на стенах
твой родные были тени.

И, разогнав
мой детский страх,
ты становилась
на колени.

В РОЖДЕСТВО

Господь,
избави от напасти
семью, всех близких и друзей.
Светлеет жизнь
на грани счастья,
как ночь от утренних лучей.

Сегодня
в каждом Божьем храме
справляют люди торжество,
ликует дух,
сняет пламя
свечей
в Христово Рождество.

Господь,
услышь мои молитвы
о всех, несущих тяжкий крест,
кто, встав на путь
незримой битвы,
услышал
горний благовест.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Всё увидят,
оценят, осудят,
издадут не один яркий том.
Жаль,
что даже хорошие люди
по достоинству ценят —
потом.

Неприкаянной жизни стезя
довела до бессмертья Рубцова,
ничего в ней
исправить нельзя,
как из песни
не выкинуть слова.

Узаконился ранний уход.
В день печали
стихом помяни.
Неживучий поэты народ,
Русь, Россия, храни их,
храни...

Убийцею Бог наделяет
 лишь тех,
 кого любит всерьез,
 как будто не чует,
 не знает,
 что скоро
 ослепнет от слез.

И, смертию смерть попирая,
 в назначенный гению срок
 возносит
 и преображает,
 и дарит бессмертие —
 Бог.

Тучи пронзила луна,
цепь за окошком завывала.
Кошка лбом
дверь приоткрыла,
мягко прошла до окна.

Вспрыгнула.
Смотрит во тьму,
не обернулась на зов.
Что-то я в толк не возьму:
кто кому
дарит здесь кров...

Слушает, смотрит, поет,
глажу ее невпопад.
На небе звезды горят,
небо
вспорот самолет.

Лает
и воет Полкан,
мерзлые цепи звенят.
Сердце тоскует без ран.
Звездочки
с неба
летят...

УЗНАТЬ МЕНЯ ТРУДНО...

Н а т а ш е

I.

Расплескавшись с Божией руки,
дождь стекло разрисовал слезами.
Полными любви и тоски
смотришь драгоценными глазами.

Рвет сентябрь остатки теплых дней,
сыплет их листвою у порога.
Клин последний серых журавлей
собрался в неблизкую дорогу.

Позовет душа за небеса.
Долго ль буду в мире оставаться?
За стеклом в искусственных слезах
ты, родная,
станешь улыбаться.

Ты, наверно,
все-таки заплачешь,
вспоминая грешное житье,
вспоминая редкие удачи,
злое
одинокчество моё.

Что имеем, не храним — известно.
У потерь сердечных
счет иной.
У меня была одна невеста,
но она не стала
мне женой.

Каюсь,
я бывал невыносимым.
У тебя едва хватало сил.
Мне хотелось жить
и быть любимым,
я и жил,
не веря, что любил...

Приласкай ты меня,
 приголубь.
 Только ты это можешь,
 родная.
 Ощувив
 одиночества глубь,
 я прошелся
 по самому краю.

И вернулся
 с распятой душой.
 Распинать
 ничего не осталось.
 Я больной,
 безнадежно больной,
 и любовь подари мне
 и жалость.

Я ведь тоже любил,
 сколько мог,
 и жалел,
 пустоты не приемля.
 Пусть растет
 наша дочка-цветок,
 украшая
 несчастную землю.

Я хотел написать тебе: «Здравствуй!»,
но пишу почему-то: «Прощай...»
Царствуй, милая.
Лапушка, царствуй:
покоряй, володей, укрощай.

Будут опричь одни лишь опричники,
что любовник, то и фаворит.
На твоём драгоценнейшем личике
всё небесная зорька горит.

А мое поизрезало муками,
поизмяло земною тоской.
Мне легко говорить
со старухами,
может, правда,
пера на покой.

Не жалей, что любила,
и царствуй,
вспоминай обо мне невзначай.
Я почти написал тебе: «Здравствуй!»,
но душа выводила: «Прощай!».

Мы снова во сне целовались.
Наяву это было давно.
Ах, если бы мы не расстались,
я губ твоих пил бы вино...

С тех пор
много выпито воли,
но крылья касаются стен.
И сердце тоскует до боли,
всё помнит
твой сладостный плен.

«Мне грустно, потому что я тебя люблю».

М. Ю. Лермонтов.

П И С Ь М О

Мне грустно потому,
что я тебя люблю.
Мне горько оттого,
что жизнь прошла
в разлуке,
и не мои
тебя ласкали руки,
и не с тобой,
проснувшись,
говорю.

Тебе,
одной тебе,
душой боготворимой,
остатки снов моих,
остатки мук моих...
И если
смерть спустя
быть суждено любимым,
пусть рядом будешь ты,
не надо мне других.

Разлука смешалась с границей.
Стреляют
с твоей стороны.
И мы не сумеем проститься
теперь до скончанья войны.

И вовсе не пули
преграда.
Когда-нибудь
кончится бой.
Но, видно, Всевышнему надо,
чтоб мы
не простились
с тобой.

И чем ближе,
чем резче
придвинешься к боли,
где в колючем былье
исчезает твой след,
тем светлей седина
и тем горше
кристаллики соли,
что в слезах растворяет
твое
неприветное; «Нет!»

Говоришь: «Любовь ушла».
В комнате моей —
тревога.
Утром
роза расцвела.
Не уходит.
Слава Богу!

Любить друг друга долго,
до конца —
не каждому
даровано судьбой —
непознанное счастье мертвеца,
когда один уход
влечет другой.

Узнать меня трудно,
 почти невозможно.
 Но я постучусь в этот дом
 осторожно,
 где стены запомнили
 клятвы в любви,
 но нету любимой —
 зови не зови.
 Где те же обои
 спустя много лет,
 два стула и стол,
 только нас
 в доме нет.

Наш угол хозяева
 сдали внаем,
 и мы с тобой — врозь,
 по-другому живем.
 За нашим столом
 кто-то пьет и поет,
 и мимо снует незнакомый народ.
 Я здесь постою,
 чтоб уйти навсегда,
 но дело не в том,
 чтоб уйти,
 а — куда.

Молодость пушинкой улетела.
Вешних сил
душе недостает.
Почему живу так неумело
и зачем навстречу пух несет?
Тополя
не сетуют однако,
весело пушатся каждый год.
Не указ им —
знаки Зодиака,
даже зависть
за сердце берет.
Знать хочу
и слышать, что любимый,
и мечтать,
и колобродить вновь.
Искра
пух взорвала тополиный.
Не спеши,
последняя любовь...

ВРЕМЯ ДЫШИТ МЕЖДУ СТРОК

★ ★ ★

Как много расплодилось воронья,
оно полнеба вдруг заполонило.
Тьма черных птиц хоронит не меня,
мне одного бы ворона хватило.

Все обошлось бы тихо,
без вранья:
ладья, Харон и рядом сонм великих.
Но слишком много в небе
воронья
и неуместны мертвенные крики.

Россия! Ты как будто не моя.
Столица отдана иноплемённым.
Им ворон заменяет соловья,
но ты жива
по весям потаённым!

Не стоит верить
рассказням пустым,
молиться новоявленным пророкам.
Россия! Мы, как прежде, победим
и не уйдем,
и не умрем до срока...

Я становлюсь
активно злым,
хотя это противно.
По улицам снуют козлы
в костюмчиках
спортивных,
с утра тасуют в голове:
колеса, деньги, телки.
Малыш играет на траве.
Вверху
пасутся волки.
То, что на них я не похож,
картины не меняет.
Козлы сыты
и волки тож,
ребенок голодает.

Мне нужна хозяйка в доме,
то, что у меня есть, — не дом.

Я бы хотел иметь дом на земле,
но у меня нет земли.

Я бы хотел иметь сына,
но у него нет будущего.

Я видел, как у людей вырастали
крылья,
но их небо становилось клеткой.

Я бы хотел быть свободным.
За свободу надо отдать жизнь...

Свободен тем, что ничего не жду,
 плетя из букв
 сердечные узоры
 и наслаждаясь
 мнимым разговором,
 который в одиночестве веду.

Те звуки,
 что доходят до меня
 из внешнего,
 разлаженного мира,
 доносят пыл
 словесного огня,
 спалившего
 последнего кумира.

Губительный пожар
 чужих страстей
 не трогает
 мое воображение.
 В пустынный заповедник
 вдохновенья
 доходит свет
 божественных затей...

Скучаю в четырех стенах.
Весна.
Иду глядеть остатки снега.
Еще одна зима ручьями снесена
в небытие
под русским небом.
Еще одна
впитается землей
для возрожденья
зелени цветущей.
Вот так и всё.
Так будет и со мной —
растаю,
уступая путь
грядущим...

Еще одна неделя лета,
так нежножданного зимой,
не принесла
тепла и света
и выдула из сна покой.

Как много стало
блеклых будней,
и мало — праздников души.
Жизнь застывает
серым студнем,
а не искрится,
не бежит.

Ни дна в реке,
ни в выси — неба.
И там и тут — кружится муть.
Бог дал ломоть ржаного хлеба
и подтолкнул с рассветом
в путь.

Ворон ветки березы
трясет,
с них до срока
срываются листья.
Я люблю золотой хоровод,
но люблю, когда медленно,
с выси.

«Озоруешь.
Гляди, хулиган!
Не попасть бы
в железную клетку!»
На душе —
золотой ураган.
Ворон прыгает
с ветки на ветку.

На окно
прилип листок,
первый желтый
лист осенний.

Вниз
в часах сбежал песок,
оживить песчинки
лень мне.

Время умерло в часах,
а перевернешь сосуды,
побежит
сыпучий страх,
отмеряя
не секунды...

Образ жизни,
образ дней —
в прошлое летящих суток.
Остановка.
А за ней
кто-то поменял сосуды...

На окно
прилип листок,
и песок —
могильной горкой.
Время дышит между строк,
сердце жжет
строкою горькой.

Давно ли цвела сирень?
 А нынче поспела рябина.
 Прошло, как один день,
 время моих цветов.
 Пора собирать плоды
 и на зиму ставить вина.
 Ах, сколько в саду плодов,
 от ягод блестят кусты...

И я захожу в мой сад,
 причудливый и волшебный.
 Мне жаль обрывать наряд
 земли, похожей на рай.
 И в этот последний миг,
 томительный и целебный,
 твой шепот, как грозный крик:
 «Помедли, не обрывай!..»

Снова зима.
Нет тепла и зарплаты.
Крепок родимый народ.

Холод
разить помогал супостата,
дважды
Россию спасал от захвата.
Верую —
снова спасет!

Я двигаюсь в жизни
рывками,
а надо бы
медленней жить —
потихе
стучать каблуками,
пореже
махать кулаками,
семью понадежней любить.

А надо бы
больше трудиться
для ближних и дальних родных,
пред Богом почаще виниться,
ценить журавля
и синицу.
А что мы без тех и других?

Мне жить так
никто не мешает,
да, видно, характер не тот:
журавль, как всегда,
улетает,
на воле
синица живет...

Что ж ты, цветик ты мой золотой,
загрустил на моем на окне?
Видно, долго я ехал домой,
долго жил на чужой стороне.

На богатом заморском пиру
забываешь, о чем горевать,
но своих забывать не к добру:
убаюкает намертво тать.

Вижу, цветик ты мой золотой,
поливали тебя через раз.
Вместе выпьем воды ключевой
за Россию,
за веру,
за нас!

СОДЕРЖАНИЕ

Держать перед Богом ответ... А. Смолин. 5

ДУША ВСТРЕПЕНЕТСЯ

«За светлые слёзы...»	7
«Молчали об этом всеведы...»	8
«Надсадно и странно...»	10
«Ох, глубинка России...»	12
«Храни тебя Господь...»	13
«Вернулись. Вы все же вернулись...»	14
«Пароход о берег носом ткнулся...»	16
«Как живете, господа?..»	17
«Поутру помолился...»	18
«И звезда не случайно упала...»	19
«Не хранит себя Русь...»	20
Песня	21

НЕБЕСНЫЕ КРОСНА

«Они предвещали ненастье...»	22
«На узорах морозной парчи...»	23
«Замело все пути...»	24
«Не колокольчика тоска...»	25
«Не ты ль ходила со свечой...»	26
В Рождество	27
Памяти Николая Рубцова	28
«Убийцею Бог наделяет...»	29
«Тучи пронзила луна...»	30

УЗНАТЬ МЕНЯ ТРУДНО...

«Расплескавшись с Божией руки...»	31
«Ты, наверно, все-таки заплачешь...»	34
«Приласкай ты меня, приголубь...»	35
«Я хотел написать тебе: «Здравствуй...»	36
«Мы снова во сне целовались...»	37
Письмо	38
«Разлука смешалась с границей...»	39
«И чем ближе, чем резче...»	40
«Говоришь: «Любовь ушла...»	41
«Любить друг друга...»	42
«Узнать меня трудно...»	43
«Молодость пушинкой улетела...»	44

ВРЕМЯ ДЫШИТ МЕЖДУ СТРОК

«Как много расплодилось воронья...»	45
«Я становлюсь активно злым...»	46

«Мне нужна хозяйка в доме...»	. . . 47
«Свободен тем...»	. . . 48
«Скучаю в четырех стенах...»	. . . 49
«Еще одна неделя лета...»	. . . 50
«Ворон ветки березы...»	. . . 51
«На окно прилип листок...»	. . . 52
«Давно ли цвела сирень...»	. . . 54
«Снова зима...»	. . . 55
«Я двигаюсь в жизни рывками...»	. . . 56
«Что ж ты, цветик...»	. . . 57

Сдано в набор 06.01.97 г. Подписано в печать 16.01.97 г. Бумага типографская № 1. Гарнитура журн.-русл. Печать высокая. Уч. изд. л. 1.27. Тираж 500 экз. Цена свободная. Устюженская типография, 162800, г. Устюжна, ул. Корелякова, 8.